

572

РУССКАЯ СТАРИНА

RUSSKAIA STARINA //

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

6
"1872"

1785

34

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1872 г.

ТОМЪ VI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, (Большая Садовая ул., д. № 49 — 2).

1872.

АЛЕКСАНДРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ГИЛЬФЕРДИНГЪ.

Род. 2 іюля 1831 г. † 20 іюня 1872 г.

Смерть Гильфердинга навсегда останется тяжкою утратою для лицъ искренно сочувствующихъ развитію науки въ нашемъ обществѣ, столь еще бѣдномъ ея подвижниками. И чѣмъ внезапнѣе выпала она изъ среды нашей этого дѣятеля, тѣмъ болѣе всѣхъ поразила. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть ужаснѣе: человѣкъ въ полномъ развитіи физическихъ и духовныхъ силъ, приобрѣвшій всеобщее уваженіе на разнообразныхъ поприщахъ государственной и ученой, публицистической и общественной дѣятельности, — послѣ семидневной болѣзни, обращается въ бездыханный трупъ.

И гдѣ роковая смерть подстерегла свою жертву? Гдѣ скосила она безъ жалости еще одну жизнь — крайне полезную для нашего отечества?—На дальнемъ сѣверѣ, вдали отъ горячо любящей жены, вдали отъ друзей и многочисленныхъ почитателей, на рукахъ лишь преданнаго слуги, пораженнаго горемъ, а затѣмъ повергнутаго въ тотъ же недугъ, который погубилъ его господина.

А. Ѳ. Гильфердингъ скончался на 41-мъ году отъ рожденія, 20-го іюня 1872 года, въ Каргополѣ, ничтожномъ, нѣкогда ссылочномъ, городкѣ въ сѣверномъ углу Олонецкой губерніи.

Еще 7-го іюня мы видѣли его полнымъ силъ и въ обычномъ ему добромъ расположеніи духа. Весело простился онъ съ своими товарищами по службѣ и немногими знакомыми, и 8-го іюня отправился, въ сопровожденіи слуги, въ путешествіе по сѣвернымъ окраинамъ Россіи. То была вторая поѣздка его, исключительно съ ученою цѣлью, въ край суровый по климату, но привлекательный для него по тѣмъ драгоцѣннымъ памятникамъ народнаго творчества, какіе впервые открыты здѣсь г. Рыбниковымъ и которые провѣрилъ и дополнилъ но-

вымъ богатымъ собраніемъ А. О. въ прошлогоднее свое туда путешествіе.

Еще 10-го іюня А. О. писалъ къ женѣ, что онъ благополучно проѣхалъ на трешкотѣ семьдесятъ верстъ въ 17 часовъ, и ѣдетъ далѣе, а чрезъ десять дней—его не стало. Думаютъ, что, бесѣдуя съ крестьянами, которыми былъ переполненъ трешкотъ, онъ встрѣтилъ зараженнаго тифомъ, въ свою очередь заразился, и—это свело его въ могилу ¹⁾. Такимъ образомъ онъ палъ жертвою любви къ наукѣ и той жажды любознательности, удовлетворенію которой онъ посвящалъ весь досугъ отъ занятій по службѣ.

I.

Александръ Федоровичъ родился 2-го іюля, 1831 года. Отецъ его, Федоръ Ивановичъ, многіе годы служилъ директоромъ дипломатической канцеляріи при намѣстникѣ въ Царствѣ Польскомъ, князѣ Варшавскомъ, графѣ Паскевичѣ-Эриванскомъ. Такимъ образомъ, въ Варшавѣ А. О. провелъ годы отрочества и юности. Рано потерявъ мать, нашелъ онъ въ отцѣ самый нѣжный, самый заботливый уходъ за его воспитаніемъ и образованіемъ. Трудно было встрѣтить человека добрѣе и мягче Федора Ивановича. Всѣ свойства своего добраго сердца старикъ, какъ бы цѣликомъ, передалъ единственному своему сыну и другу. Лучшіе воспитатели и ученые, какіе 20-тъ лѣтъ тому назадъ были въ Варшавѣ, окружали Александра Федоровича, и мальчикъ, одаренный необыкновенными способностями, удивлялъ своими успѣхами, особенно въ языкахъ иностранныхъ. Не говоря уже о славянскихъ нарѣчіяхъ и о языкахъ новѣйшихъ: французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ; ими онъ владѣлъ какъ роднымъ—А. О. въ совершенствѣ и весьма рано усвоилъ себѣ языки древне-греческій, латинскій и впоследствии ознакомился съ языкомъ санскритскимъ.

Во всеоружіи знанія явился 17-ти-лѣтній юноша въ 1848 году въ московскій университетъ и здѣсь на самомъ трудномъ и серьезномъ факультетѣ, каковъ историко-филологическій, сразу занялъ онъ первое мѣсто. Пріѣхалъ А. О. въ Москву въ тяжелый для университета періодъ: рядъ стѣснительныхъ мѣръ по народному образованію тормозилъ его ходъ; но еще были даровитые труженики, еще наука въ Россіи находила подвижниковъ, и полнѣйшее средоточіе ихъ все-таки оставалось въ стѣнахъ московскаго университета.

Въ 1852 году А. О. блистательно кончилъ курсъ кандидатомъ.

¹⁾ См. приложение I, корреспонденцію одного изъ жителей Каргополя въ «Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» о послѣднихъ дняхъ жизни Гильфердинга.

Имя его стоитъ первымъ въ спискѣ вышедшихъ въ тотъ годъ изъ московскаго историко-филологическаго факультета. Въ слѣдующемъ 1853 году Академія Наукъ радушно приняла на страницы своихъ „Извѣстій“ трудъ молодого ученаго: то было сочиненіе Гильфердинга: „О сродствѣ языка славянскаго съ санскритскимъ“, и въ томъ же году защищалъ онъ, на степень магистра славянскихъ нарѣчій, диссертацию подъ заглавіемъ: „Объ отношеніи языка славянскаго къ языкамъ родственнымъ“ (М. 1853 г.).

По свидѣтельству историка К. Н. Бестужева-Рюмина, одного изъ товарищей Гильфердинга по университету, „московская жизнь имѣла рѣшительное вліяніе на развитіе А. О.: онъ попалъ въ кругъ А. С. Хомякова, и такимъ образомъ рано вошелъ въ соприкосновеніе съ людьми, тогда еще стоявшими, казалось, въ сторонѣ отъ движенія общественной мысли, но вліянія которыхъ на ея развитіе теперь никто отрицать не будетъ. Многихъ ненужныхъ колебаній избавился онъ этимъ счастливымъ путемъ“.

Но А. С. Хомяковъ, Кирѣевскіе, Аксаковы и весь этотъ кругъ благородныхъ и искреннихъ славянистовъ только укрѣпилъ А. О. въ томъ направленіи, какое подготовлено было въ немъ домашнимъ воспитаніемъ, его отцемъ—искреннимъ и просвѣщеннымъ патриотомъ и въ особенности уроками славяниста Паллонскаго (въ Варшавѣ), а затѣмъ университетскою наукою.

Внолнѣ отдавшись идеѣ сближенія западныхъ славянъ съ родственною имъ Россіею, молодой ученый углубился въ изученіе исторіи, правовъ и быта народовъ западно-славянскаго міра; въ 1854 году мы видимъ его за двумя весьма замѣчательными сочиненіями: „Исторія Балтійскихъ Славянъ“ (въ „Москвитинѣ“ и отдѣльной книгой т. I, М. 1855 г.) и „Письма объ исторіи Сербовъ и Болгаръ“ (въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, „Русской Бесѣдѣ“ и отдѣльной книгой М. 1856—1859 годовъ). Очень хорошо понимая, что для изученія странъ и народовъ излюбленнаго имъ славянскаго міра мало одного книжнаго труда, А. О. постарался избрать такой родъ службы, который могъ бы дать ему наиболѣе удобное положеніе для ученыхъ изысканій; въ этихъ видахъ онъ поступилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ и, по заключеніи мира въ 1856 году, принялъ мѣсто консула въ Босніи. Въ теченіе трехлѣтняго служенія въ странѣ, погруженной, вслѣдствіе ея порабожденія, въ совершенное невѣжество, А. О. всесторонне изучилъ славяно-турецкій міръ, извѣдалъ край во всѣхъ направленіяхъ и результаты своихъ наблюденій передалъ въ обширномъ трудѣ: „Боснія, Герцеговина и Старая Сербія“ (С.-П.-Б. 1859 г.). „Этотъ трудъ, по отзыву историка г. Бестужева-Рюмина, рядомъ

съ живыми очерками мѣстностей, заключаетъ въ себѣ много археологическихъ и историко-литературныхъ свѣдѣній. Сочиненіе это обратило на себя вниманіе всей русской литературы безъ различія лагерей“.

Въ то же время Гильфердингъ представилъ мастерской обзоръ новѣйшихъ движеній западнаго славянства. Этотъ обзоръ изданъ былъ для западной Европы на французскомъ языкѣ, въ особой брошюрѣ: „Les Slaves Occidentaux“, напечатанной, безъ имени автора, въ Парижѣ въ 1858 году.

Въ концѣ 1858 г. А. О. женился за границей на В. Ф. Ридель, московской уроженкѣ.

Въ 1859 году, пишущій эти строки познакомился съ семействомъ Гильфердинга и съ полною искренностію долженъ сказать, что тринадцатилѣтнее знакомство съ Гильфердингами, навсегда пребудетъ самымъ дорогимъ, самымъ отраднымъ для меня воспоминаніемъ...

II.

Въ 1861 году А. О. оставилъ службу въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и принявъ приглашеніе государственнаго секретаря В. П. Буткова, поступилъ въ государственную канцелярію, гдѣ вскорѣ получилъ должность помощника статсъ-секретаря, при А. П. Заблоцкомъ-Десятовскомъ.

Здѣсь, съ 1861 по 1863 годъ включительно, А. О. Гильфердингъ работалъ въ департаментѣ государственной экономіи, какъ одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ предсѣдателя департамента государственной экономіи К. В. Чевкина.

Дѣятельность этого департамента государственнаго совѣта—всегда обширная, весьма многосложная — была особенно трудна въ указанные выше годы: въ то время выработывалась та новая система составленія финансовыхъ смѣтъ, государственнаго бюджета, разсмотрѣнія и затѣмъ дальнѣйшаго контроля по исполненію смѣтъ и бюджета, которая легла основаніемъ въ преобразованіи финансоваго управленія Россіи. А. О. Гильфердингъ скоро явилъ отличныя способности въ дѣятельности по департаменту государственной экономіи. Обширная память, быстрота соображенія, поразительное умѣнье схватить сущность дѣла и изложить его ясно, возможно кратко и въ то же время полно — весьма скоро выдвинули А. О. на служебномъ поприщѣ.

Въ теченіе восьми лѣтъ, пишущій эти строки былъ почти ежедневнымъ свидѣтелемъ служебной дѣятельности покойнаго. Невозможно повѣрить, до какой степени легко давалась самая многосложная работа этому человѣку. Споровка и быстрота, съ какими работалъ

Гильфердингъ, почти вошли въ поговорку въ тѣхъ департаментахъ государственнаго совѣта, въ которыхъ онъ служилъ: все, что другимъ доставалось нерѣдко весьма усидчивымъ и упорнымъ трудомъ, что у другихъ выходило послѣ безчисленныхъ перемарокъ, то изъ-подъ пера Гильфердинга, въ немногіе часы, излагалось какъ-бы шутя, просто, легко, почти безъ помарокъ — и всегда въ изложеніи сжатомъ и яснымъ. Почеркъ его, вѣдати сказать, былъ очень четокъ и красивъ.....

Разъ въ недѣлю, обыкновенно по четвергамъ, вечеромъ, собирався у него небольшой кругъ друзей и знакомыхъ; въ послѣдніе годы въ эти вечера чаще всего сходились члены славянскаго комитета, и веселая, дружеская бесѣда и чтеніе новѣйшихъ произведеній литературы протягивались далеко за полночь. Въ лѣтніе мѣсяцы онъ не предавался отдыху: почти каждое лѣто предпринималъ онъ поѣздки, то къ турецкимъ славянамъ, то къ австрійскимъ, то наконецъ по Россіи...

Въ 1863 году грянула надъ Россією давно скоплавшаяся туча: возсталъ шляхетская Польша, двинулась дипломатическимъ походомъ вся западная Европа.

Послѣ ряда ошибокъ и колебаній Россія заговорила голосомъ смѣлымъ и достойнымъ.

Но кромѣ слова, нужно было и дѣло. И вотъ выдвигается на политическую арену дѣятель славный умомъ, по истинѣ государственнымъ, рѣшительный и смѣлый, незабвенный Н. А. Милютинъ.

Первою и едва-ли не наиболѣе блестящею его заслугою было умѣть выбрать ближайшихъ сотрудниковъ въ задуманномъ имъ, по высочайшей волѣ, всестороннемъ преобразованіи Польши. И вотъ въ числѣ лицъ, имена которыхъ тѣсно связанные съ трудами по освобожденію въ Россіи крестьянъ — навсегда пребудутъ достояніемъ исторіи, — приглашенъ на трудное дѣло А. О. Гильфердингъ.

Ему, взрослому въ Польшѣ, весьма рано ознакомившемуся и практически и научно съ язвами, снѣдавшими этотъ край; ему, посвятившему себя на изученіе славянства и на подготовку своего отечества къ осуществленію, хотя бы въ отдаленной будущности, грандіозной идеи объединенія славянскаго міра подъ главенствомъ Россіи — ему приглашеніе Н. А. Милютина было крайне дорого.

Онъ со всѣмъ пыломъ отдался новому дѣлу. Въ рядѣ блестящихъ статей, помѣщенныхъ тогда же въ газетахъ: „Письмо къ г. Ригеру“, „За что борются русскіе съ поляками“, „Въ чемъ искать разрѣшенія польскому вопросу?“, „Положеніе и задача Россіи въ царствѣ польскомъ“, и проч.— А. О. съ тѣмъ достоинствомъ, мягкостью и пріятіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ тою неотразимою логическою по-

слѣдовательностью, — какія отличали всегда его полемическое перо, ознакомилъ отечество и Европу (его статьи явились въ переводѣ и въ иностранныхъ газетахъ) со всею исторіею, причинами и развитіями польскаго вопроса, словомъ сказать, раскрыть всю сущность русско-польскаго дѣла и провести параллель между народомъ-паномъ, какова есть Польша, съ ея клерикально-шляхетской за-ваской, и народомъ-мужиномъ, т.-е. Россіей, съ ея многочисленнымъ крестьянствомъ, въ которомъ растворится созданное искусственно дворянство.

Отчетливо выдѣливъ въ польскомъ народѣ поляка-обывателя, т.-е. шляхтича и горожанина отъ поляка-крестьянина, Гильфердингъ заключилъ одну изъ своихъ статей по польскому вопросу слѣдующими многозначительными строками:

«Если польскимъ вопросомъ называется антагонизмъ противъ Россіи высшихъ слоевъ польской націи, или польскаго обывательства, польской интеллигенции, то этотъ вопросъ разрѣшенъ быть не можетъ: ибо онъ истекаетъ изъ принциповъ непримиримыхъ, изъ требованій, которыя никогда не будутъ удовлетворены. Этотъ вопросъ не будетъ разрѣшенъ; но время его упразднить и отъ насъ собственно зависить, чтобы это стало скоро или не скоро. Польскій вопросъ будетъ упраздненъ, когда съ одной стороны польская народность утратитъ господство, не только матеріальное, но и нравственное, надъ народностью русскою и литовскою въ нашемъ западномъ краѣ, и когда, съ другой стороны, устойчивая сила крестьянскихъ общинъ въ царствѣ польскомъ переработаетъ своимъ вліяніемъ старыя идеи польскаго обывательства.

«А до тѣхъ поръ, это намъ надобно сказать себѣ напередъ, власть наша надъ Польшею не перестанетъ носить на себѣ характеръ насилія. Серьезнаго, дѣйствительнаго примиренія съ польскимъ обывательствомъ, пока оно не утратитъ надежды на возвращеніе западно-русскихъ земель и пока не переродится подъ вліяніемъ крестьянскихъ общинъ, быть не можетъ. Но и въ отношеніи къ обывательству мы можемъ сдѣлать одно великое дѣло. Я говорю о просвѣщеніи. Какъ мы погрѣшили передъ польскимъ крестьянствомъ, не воспользовавшись 30-ти-лѣтнимъ миромъ, чтобы сдѣлать для него то, что приходится дѣлать теперь, среди неустойчивости и борьбы, такъ точно погрѣшили мы и передъ всѣми прочими классами польскаго общества, закрывая или затрудняя имъ доступъ къ высшему образованію. Въ ослѣпленіи своемъ, мы думали, что полякъ, мало образованный, есть врагъ менѣе опасный, чѣмъ просвѣщенный полякъ. Сколько времени въ самой столицѣ царства не было даже высшихъ классовъ гимназическаго курса? Давно ли считали нужнымъ замѣнять въ Польшѣ основательное образованіе поверхностью кое-какихъ реальныхъ и техническихъ свѣдѣній? Мы не понимали, что именно врагъ опасныхъ для насъ польскихъ идей и стремленій есть наука и просвѣщеніе, что эти идеи и стремленія, будучи основаны на религіозномъ фанатизмѣ и исторической неправдѣ или ошибкѣ, принуждены либо игнорировать выводы науки, либо искажать ихъ. Настоящія событія въ Польшѣ доказываютъ съ достаточною ясностью, что самыя злые противники наши между поляками люди или

полуобразованные, или вовсе невежественные. Съ полякомъ, основательно и серьезно образованнымъ, мы можемъ еще столкнуться; полуобразованный или вовсе невежественный обыватель будетъ всегда игрушкой людей, которые захотятъ фанатизировать его религиозную и патриотическую ненависть къ москалямъ. Всякое правительство, коль скоро оно беретъ въ свои руки общественное образованіе, съ тѣмъ вѣстѣ принимаетъ на себя обязательство содѣйствовать ему всѣми своими силами: это для него долгъ совѣсти передъ народомъ. Но въ Польшѣ это для насъ даже болѣе, чѣмъ долгъ совѣсти; наша прямая политическая задача, для нашей собственной пользы—развивать въ этой странѣ всѣми средствами серьезное, основательное, научное образованіе. Прежняя система имѣла въ этомъ отношеніи, между прочими, очень важный, по моему мнѣнію, недостатокъ. Мы онасались смовленія юношей въ Варшавѣ и отправляли ихъ въ русскіе университеты; туда же обращали мы поляковъ, уроженцевъ западныхъ губерній, не дозволяя имъ вѣдать учиться въ Польшу. Конечно, при слабomъ управленіи и при дурной полиціи, значительное число молодежи въ столицѣ царства польскаго можетъ податься поводъ къ непріятнымъ для насъ демонстраціямъ и т. п.; но мнѣ кажется, что отъ насъ зависитъ предупреждать ихъ, и впрочемъ, всякія приключенія такого рода совершенныя пустяки въ сравненіи съ положительнымъ вредомъ, происходящимъ отъ искусственнаго удаленія польской учащейся молодежи изъ центра страны. Пусть поляки отправляются добровольно слушать лекціи въ нашихъ университетахъ; чѣмъ больше будетъ такихъ охотниковъ, тѣмъ лучше. Но когда мы насильно заставляемъ поляка учиться въ Москвѣ или въ Петербургѣ и мѣшаемъ ему вѣдать въ Варшаву, то мы тѣмъ самымъ внушаемъ ему недовѣріе къ преподаваемой у насъ наукѣ. Онъ не можетъ не сказать себѣ: «должно быть въ наукѣ, какъ ее преподаютъ въ Петербургѣ и Москвѣ, кроются какіе-нибудь правительственные расчеты: иначе зачѣмъ заставлять меня учиться непременно тамъ, а не у себя дома?» Вотъ почему русское университетское преподаваніе получаетъ такъ мало вліянія на поляковъ и оканчивается вообще такъ мало способнымъ внушать имъ серьезную любовь къ наукѣ. Прибавимъ еще другую вредную сторону этой системы. Полякъ, уроженецъ Литвы или Украины, желалъ бы вѣдать въ польскій университетъ; мы ему велимъ отправляться въ русскій. Неужели онъ отъ этого обрусѣетъ, неужели его польскій патриотизмъ ослабнетъ? Напротивъ, онъ является въ Москву или въ Петербургъ въ нѣкоторомъ смыслѣ изгнанникомъ, а въ изгнаніи, какъ извѣстно, растутъ мечты, которыя на родной почвѣ разбиваются о живую дѣятельность. Замѣчаютъ, что лучшее средство излечить поляка отъ западныхъ губерній отъ мечтательной идеи о великой, идеальной Польшѣ—послать его въ малую дѣйствительную Польшу, т. е. въ царство польское; а мы, вмѣсто того, отправляемъ его еще дальше отъ родной его почвы, въ русскую среду, гдѣ, окруженный чужими, онъ долженъ еще болѣе сосредоточиться въ исключительности своихъ національныхъ идей.

«Я указалъ тѣ два предмета, которые составляютъ, какъ мнѣ кажется, существеннѣйшую задачу нашу въ царствѣ польскомъ. Наша обязанность тамъ,—и для нашей собственной пользы, и для блага польской націи,—доставить самостоятельность польскому крестьянству и употребить всѣ усилія для распространенія въ Польшѣ серьезнаго, научнаго образованія. Эти вопросы несравненно важнѣе всякихъ вопросовъ о политическомъ устройствѣ царства. Никакое политическое устройство, никакая система управленія

на можетъ удовлетворить поляковъ; польскій вопросъ, какъ я сказалъ, неразрѣшимъ никакими политическими мѣрами; польскій вопросъ можетъ быть только упраздненъ, и упразднить его могутъ только социальныя средства....»

Такъ писалъ А. О. Гильфердингъ въ декабрѣ 1863 года и въ этихъ словахъ развивалъ программу тѣхъ реформъ, въ которыхъ ему довелось принять непосредственное и важное участіе: 19-го февраля 1864 года изданъ рядъ законоположеній, распространившихъ благотѣльное дѣйствіе положеній 19-го февраля 1861 года на крестьянство привислинскаго края; 30-го августа 1864 года, обнародованъ рядъ указовъ относительно устройства народнаго образованія въ Польшѣ; объ учрежденіи десяти дирекцій для наблюденія надъ народными школами, объ освобожденіи сихъ школъ изъ-подъ вѣдѣнія всендзовъ и шляхты и объ основаніи, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ сельскихъ гминъ, народныхъ училищъ; объ учрежденіи въ Варшавѣ русскихъ учебныхъ заведеній (мужской и женской гимназій съ русскимъ же начальнымъ училищемъ). Къ январю 1866 года явился рядъ уставовъ для среднихъ учебныхъ заведеній, и десять (съ того же 1866 года) губерній царства польскаго покрылись сѣтью правильно организованныхъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ, съ русскимъ языкомъ для преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ ¹⁾, съ хорошо устроенною организаціею для управленія ими, значительными окладами содержанія для преподавателей и воспитательницъ и проч., и проч. Всѣ эти труды совершились въ особомъ, тогда еще не объявленномъ официально комитетѣ по дѣламъ царства польскаго, въ канцелярію котораго, въ началѣ 1864 года, и перешелъ изъ департамента экономіи А. О. Гильфердингъ, принявши также участіе и въ трудахъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія.

Въ обширной дѣятельности этихъ обоихъ учрежденій А. О. принималъ самое живое участіе, и говорить о его служебныхъ трудахъ за время съ 1864 по 1872 годъ включительно, значитъ излагать всѣ тѣ обширныя законодательныя работы, которыя, выработанныя или разсмотрѣнныя въ обоихъ этихъ комитетахъ, удостоились высочайшаго утвержденія и были обнародованы въ видѣ уставовъ, положеній, указовъ, правилъ, высочайшихъ повелѣній и проч.

Такъ по польскому комитету мѣры по устройству учебной части въ царствѣ завершены были учрежденіемъ университета въ Варшавѣ, и доразвитіемъ многихъ мужскихъ и женскихъ прогимназій въ цѣлыя гимназій. Относительно духовенства бѣлаго и чернаго,

¹⁾ Позднѣе, именно въ 1870—1871 годахъ введено преподаваніе всѣхъ предметовъ по-русски.

католическаго и грекоуніатскаго, послѣдоваль также рядъ реформъ: закрыто множество монастырей, этихъ расадниковъ невѣжества, политическаго и религіознаго изувѣрства въ царствѣ; духовенство освобождено отъ земель и содержаніе его, въ весьма достаточныхъ размѣрахъ, переведено на средства казны. Все административное управленіе края съ 1866 года преобразовано: съ новымъ раздѣленіемъ на губерніи и уѣзды, явились губернскія и уѣздныя правленія, при этомъ точно и ясно опредѣленъ кругъ дѣятельности этихъ учреждений особымъ положеніемъ; составлены штаты ихъ и проч. Возникла земская стража, организація, оказавшаяся съ теченіемъ времени въ высшей степени благотѣльною для края. Наконецъ, въ концѣ 1871 и въ 1872 гг. А. О. выпала доля принять весьма дѣятельное участіе въ законодательныхъ работахъ по устройству судебной части въ царствѣ польскомъ, долженствующихъ довершить преобразованія въ этой странѣ....

Въ разностороннихъ и обширныхъ трудахъ по комитету по дѣламъ царства польскаго, Н. А. Милютинъ находилъ въ Гильфердингѣ помощника неустоимаго. Въ трудъ свой онъ внесъ обычную ясность и глубину мысли и поразительную быстроту работы; въ обширномъ образованіи и необыкновенной начитанности черпалъ онъ массу свѣдѣній, необходимыхъ для разработки важныхъ государственныхъ актовъ, являвшихся изъ-подъ его пера въ первоначальной ихъ редакціи. Какъ „редакторъ“, т.-е. какъ излагатель соображеній и рѣшеній комитетовъ и государственнаго совѣта, А. О. Гильфердингъ не многихъ имѣлъ себѣ равныхъ. Такой простоты, ясности, можно сказать, изящества въ изложеніи давно не видала государственная канцелярія, издавна между тѣмъ, со временъ еще Сперанскаго и Тургеневыхъ — привыкшая видѣть въ своей средѣ многихъ весьма способныхъ и образованныхъ чиновниковъ.

Коснувшись дѣятельности А. О. по польскому комитету, мы не станемъ излагать его трудовъ по главному комитету объ устройствѣ сельскаго состоянія, такъ какъ это отвлекло бы насъ слишкомъ далеко. Скажемъ коротко, что въ теченіе восьми лѣтъ изъ множества дѣлъ, иногда весьма сложныхъ и по существу своему важныхъ, не было почти ни одного, сколько-нибудь значительнаго, въ которомъ такъ или иначе А. О. не принималъ бы участія.

III.

Служебная дѣятельность, какъ ни была она разнообразна, и можно сказать, интересна, не могла однако вполне поглотить покойнаго. Напротивъ, наблюдая этотъ гибкій, тонкій умъ и ту поразительную

легкость и быстроту, которыя онъ проявлялъ въ своихъ трудахъ, можно было еще подумать (хотя не совсѣмъ вѣрно), что служба для него—дѣло такъ себѣ, между прочимъ, но что сущность его трудовой жизни—занятіе наукой. Да, это былъ подвижникъ науки въ полномъ смыслѣ этого слова..... Многие годы посвятилъ онъ труду весьма обширному и важному: „Исторіи Славянъ“, изъ которой весьма лишь небольшіе отрывки были напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы“. Этотъ трудъ, отличающійся широтою замысла, замѣчательною ученостію автора, перечитавшаго массу самыхъ разнообразныхъ къ нему источниковъ, такъ и остался не оконченнымъ. Невозможно и думать, чтобы Россія, по крайней мѣрѣ скоро, выдвинула изъ среды своихъ сыновъ продолжателя этого капитальнаго и единственнаго труда, столь же ученаго и даровитаго, какимъ былъ покойный А. О. Гильфердингъ.

Около 1868 года, въ Петербургѣ открытъ отдѣлъ московскаго славянскаго благотворительнаго комитета. Предсѣдателемъ отдѣла и истинною душою его оживлявшаго, былъ покойный Гильфердингъ.

Дѣятельность отдѣла хорошо извѣстна изъ ежегодныхъ, своевременно-обнародованныхъ отчетовъ. Число членовъ отдѣла значительно; засѣданія его посѣщались многими лицами. Здѣсь можно было встрѣтить представителей всѣхъ классовъ и кружковъ петербургскаго общества: ученые, литераторы, артисты, банкиры, негоціанты, военные, чиновники, представители высшихъ классовъ общества—все это здѣсь соединялось Всею душой отдаваясь развивавшейся дѣятельности славянскаго комитета, Гильфердингъ не могъ не радоваться, что идея, одушевлявшая его съ юныхъ лѣтъ, о необходимости нашего духовнаго единенія съ западно-славянскимъ міромъ все болѣе и болѣе проникаетъ въ сознание русскаго общества.

28-го сентября (10-го октября) этого года, какъ извѣстно изъ газетъ, должно было происходить торжество освященія православной церкви въ Прагѣ.

Этотъ первый храмъ православія созданъ въ столицѣ родной намъ Чехіи при усиліяхъ и пожертвованіяхъ петербургскаго отдѣла славянскаго комитета, правильнѣе сказать благодаря энергіи его предсѣдателя.

И вотъ на этомъ многознаменательномъ торжествѣ не суждено присутствовать одному изъ главнѣйшихъ его виновниковъ!

Что-то будетъ теперь, послѣ кончины Гильфердинга, съ петербургскимъ отдѣломъ славянскаго благотворительнаго комитета?

Онъ его создалъ, онъ провелъ его среди нѣкоторыхъ преградъ явившихся въ началѣ его бытія; онъ развилъ его дѣятельность, на-

конецъ близко было то время, когда разсыялась бы и послѣдняя тѣнь предубѣжденія, существующая и въ литературѣ и въ обществѣ, противъ дѣятельности такъ-называемыхъ „славянофиловъ“; но сомкнулись вѣжды лучшаго изъ поборниковъ идеи славянства въ Россіи, и кто знаетъ апатію нашего общества и его неустойчивость во всякомъ добромъ начинаніи, тотъ не удивится, если послѣ немногихъ лѣтъ замретъ и память о петербургскомъ славянскомъ комитетѣ.....

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ А. О. былъ предсѣдателемъ этнографическаго отдѣленія географическаго общества. Нѣтъ сомнѣнія, что географическое общество вообще и этнографическое ея отдѣленіе въ особенности посвѣпшить воздать должное заслугамъ покойнаго на попрощѣ разработки этнографіи нашего отечества.

Независимо отъ того, что въ годы предсѣдательства Гильфердинга засѣданія отдѣленія этнографіи значительно оживились, а литература наша приобрѣла нѣсколько капитальныхъ трудовъ по этнографіи, таковы: „Сборникъ пѣсень, г. Шейна“, „Сборникъ народныхъ заклинаній Л. Майкова, труды гг. О. Миллера, Носовича (бѣлорус. загадки и послов.), Барсова („духовные стихи“), Микуцкаго („остатки жизни Полабскихъ славянъ“) и друг., самъ уважаемый предсѣдатель принесъ многоцѣнный вкладъ въ науку этнографіи. Въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ 1871 года, онъ, съ немалыми трудностями, нерѣдко верхомъ, по самымъ непроѣзднымъ тропинкамъ, объѣздивъ самыя дальнія глухія захолустья Олонецкой губерніи и смежныхъ съ нею уѣздовъ другихъ губерній, и вывезъ оттуда громадное собраніе былинъ¹⁾. Образчики этого собранія были представлены имъ на страницахъ „Русской Старины“ (изд. 1871 г., т. IV, стр. 451—459 и 1872 г., т. V, стр. 497—517). По его стараніямъ петербургское общество имѣло случай познакомиться съ однимъ изъ замѣчательныхъ пѣвцовъ былинъ, 78-ми-лѣтнимъ старикомъ Рабининимъ²⁾. Этотъ крестьянинъ былъ зимою 1871 г. въ Петербургѣ и пѣлъ въ засѣданіяхъ этнографическаго общества, славянскаго комитета и у многихъ лицъ на дому. Читатели газетъ конечно помнятъ тотъ характеристическій эпизодъ, который произошелъ въ совѣтѣ географическаго общества, когда этнографическій отдѣлъ вошелъ съ ходатайствомъ о награжденіи Рабинина медалью. Въ газетахъ было въ то время рассказано, съ какимъ достоинствомъ А. О. Гильфердингъ велъ себя въ этомъ

¹⁾ Весьма любопытное описаніе этой поѣздки помѣщено Гильфердингомъ въ III кн. «Вѣстника Европы» 1872 г.: «Олонецкая губернія и ея народныя разсказы» (стр. 82—130).

²⁾ Портретъ этого пѣвца былинъ, въ прекрасной гравюрѣ академика А. Л. Сѣрякова, приложенъ къ 3-й книгѣ «Русской Старины» 1872 г.

пререканіи и о томъ, какъ Рябинину, по ходатайству августѣйшаго председателя географическаго общества, высочайше дарована была медаль.

Пѣздка, предпринятая А. О. нынѣшнимъ лѣтомъ съ тою же ученою цѣлью собранія этнографическихъ матеріаловъ, въ самомъ началѣ привела его къ преждевременной смерти....

IV.

Ученые и публицистическіе труды покойнаго были весьма разнообразны и многочисленны. Въ теченіе 20-ти лѣтъ (съ 1852—1872 годовъ) они появлялись въ весьма многихъ органахъ нашей печати, а именно: въ „Извѣстіяхъ Ц Отдѣленія Академіи Наукъ“, „Запискахъ Географическаго Общества“, „Русской Бесѣдѣ“, „Днѣ“, „Русскомъ Инвалидѣ“, „Русскомъ Вѣстникѣ“, „Вѣстникѣ Европы“, „Отечественныхъ Запискахъ“, „Русскомъ Словѣ“, „Москвитинѣ“, „Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній“, „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, „Голосѣ“, „Зарѣ“ „Энциклопедическомъ Словарѣ“, и въ „Русской Старинѣ“.

Въ 1868 году пишущему эти строки удалось убѣдить покойнаго собрать хотя нѣкоторыя изъ болѣе замѣчательныхъ его статей, разсѣянныхъ по журналамъ и газетамъ и выпустить въ свѣтъ въ отдѣльномъ изданіи. Мы предложили даже свои труды и средства по напечатанію этого перваго собранія его сочиненій. Всегда скромный, А. О. долго не соглашался, наконецъ, намъ удалось его убѣдить.

Изданіе вышло въ свѣтъ въ томъ же 1868 году, подъ его редакцію, въ двухъ томахъ, въ большую осьмушку, весьма изящно отпечатанное на хорошей бумагѣ, подъ общимъ заглавіемъ: „Собраніе сочиненій А. Гильфердинга“. Томъ I (440 стр.), т. II (600 стр.). Цѣна за оба тома 5 рублей. ¹⁾

Въ первомъ томѣ помѣщены: „Исторія Сербовъ и Болгаръ“ (въ 2-хъ частяхъ), „Исслѣдованіе о Кириллѣ и Меѳодіи“, и „Очеркъ исторіи Чехіи“.

Во второмъ томѣ — подъ общимъ заглавіемъ: „Статьи по современнымъ вопросамъ славянскимъ“ — собрано восемнадцать наиболѣе замѣчательныхъ монографій Гильфердинга. Они обнимаютъ собою весь славянскій міръ, какъ западный, такъ и восточный. Статьи эти слѣдующія: 1) Славянскіе народы въ Австріи и Турціи. 2) Народное возрожденіе сербовъ-лужичанъ въ Саксоніи. 3) Развитіе на-

¹⁾ Авторъ подарилъ въ бібліотеку пишущаго эти строки особый бібліографическій экземпляръ своихъ сочиненій съ надписью: «Винювику бытія сей книги».

родности у западныхъ славянъ. 4) Венгрія и славяне. 5) Историческое право хорватскаго народа. 6) Государственное право сербскаго народа въ Турціи. 7) Чѣмъ поддерживается православная вѣра у южныхъ славянъ? 8) Взглядъ константинопольскаго грека на болгарскія и славянскія дѣла. 9) Духъ народа сербскаго. 10) Гавличекъ. 11) Славянскія народности и польская партія въ Австріи. 12) Взглядъ западныхъ славянъ на Россію. 13) Письмо къ г. Ригеру въ Прагу о русско-польскихъ дѣлахъ. 14) Польскій вопросъ. 15) Литва и Жмудь. 16) Россія и ея инородческія окраины на западѣ. 17) Древній Новгородъ. 18) Сельская община.

Одинъ перечень статей, вошедшихъ въ это изданіе, указываетъ на разнообразіе и интересъ его. Желательно, чтобы и всѣ остальные сочиненія Гильфердинга, разсѣянные въ поименованныхъ выше періодическихъ изданіяхъ, были собраны въ послѣдующіе томы этого собранія и выпущены въ свѣтъ. Академія Наукъ должна бы принять на себя изданіе его „Исторіи славянъ“; этимъ бы она загладила тотъ стыдъ, который нанесенъ ей нѣмецкими ея сочленами, забалотировавшими, года два тому назадъ, Гильфердинга—въ члены академіи,—единственно вслѣдствіе служенія его славянству и анти-нѣмецкимъ интересамъ.

Обширный сборникъ собранныхъ Гильфердингомъ въ 1871 г. былинъ и побывальщинъ, еще при жизни автора, началъ изданіемъ въ особой книгѣ, въ большую осьмушку, въ два столбца; вся рукопись (1203 полулиста) приготовлена къ печати и сдана въ типографію самимъ А. Ѳ.—мъ; до сихъ поръ отпечатано съ небольшимъ 20-тъ листовъ, весь же томъ будетъ изъ 40 листовъ. П. А. Гильтебрандтъ, принимавшій участіе въ первой половинѣ труда Гильфердинга, передалъ окончаніе печатанія сборника профессору петербургскаго университета О. Ѳ. Миллеру.

V.

Въ заключеніе нашего очерка, остановимся на нравственныхъ качествахъ покойнаго Гильфердинга. Обыкновенно въ умершихъ находятъ одни лишь достоинства; но мы отъ всей души должны сказать, что наши похвалы вызываются полнѣйшею правдою, а отнюдь не обычаемъ. Въ самомъ дѣлѣ, ссылаясь на всѣхъ, кто только зналъ А. Ѳ. Гильфердинга, скажемъ отъ всего сердца, что благороднѣе, гуманнѣе, добрѣе этого человѣка не было въ нашемъ обществѣ. У него были друзья, были пріятели, были многочисленные знакомые, но не было завистниковъ и враговъ. Не только во всю жизнь онъ никому не сдѣлалъ зла, но никто, положительно никто не слышалъ отъ него о комъ-либо дурного слова. Сдержанность и замѣча-

тельный тактъ въ обращеніи были отличительными чертами его характера. Еще менѣе расположенія было въ немъ къ педантизму: какъ въ служебныхъ, такъ и въ частныхъ отношеніяхъ онъ былъ всегда одинаковъ, всегда готовъ помочь словомъ и дѣломъ. Двадцатилѣтняя служба въ канцеляріяхъ не очерстила его сердце и не измѣнила его гуманнаго обращенія съ знакомыми и сослуживцами... Постоянно привѣтливый, онъ никогда даже не былъ, какъ говорится, не въ духѣ. По крайней мѣрѣ, въ тринадцать лѣтъ нашей дружбы я не видывалъ, чтобы нездоровье, многосложные труды, или какія-либо непріятности и горе (а у него было его не мало) сколько-нибудь повліяли на всегда ровное, неизмѣнно доброе состояніе духа. Повторю совершенно справедливыя слова К. Н. Бестужева-Рюмина:

„Личности, болѣе изящной, какимъ былъ покойный А. О. Гильфердингъ, какъ въ умственномъ, такъ и нравственномъ отношеніяхъ, мнѣ, по крайней мѣрѣ, не случалось видѣть... Будемъ надѣяться, что такія лица являются въ обществѣ не даромъ, что они своимъ примѣромъ и воспоминаніемъ о себѣ приносятъ существенную пользу“.

Редакція „Русской Старины“, съ чувствомъ глубокой скорби занося на свои страницы эту тяжкую для нашего отечества утрату, — долгомъ считаетъ засвидѣтельствовать, что въ немъ она находила всегда добрый совѣтъ и поддержку въ трудахъ по изданію, и самая программа нашего ежемѣсячнаго сборника была составлена при содѣйствіи А. О. Гильфердинга.

Послѣ Александра Федоровича осталась прекрасная бібліотека (слишкомъ 6 т. томовъ), собранная съ большимъ выборомъ. Желательно, чтобы она, въ полномъ составѣ, была приобретена какими-либо ученымъ обществомъ или учрежденіемъ въ Россіи.

Рукописи, вывезенныя Гильфердингомъ изъ славянскихъ земель, еще при жизни, проданы имъ одному московскому купцу, какъ мы слышали, за 6 т.

Бумаги покойнаго, по его завѣщанію, разобраны К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ, В. И. Ламанскимъ и г. Будиловичемъ. Ред.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

І. Письмо изъ Каргополя о болѣзни Гильфердинга.

«По словамъ камердинера, Ефима Ивановича, который за болѣзнію три недѣли находился въ Каргополѣ, въ больницѣ, Гильфердингъ ѣхалъ по Сибири на пароходѣ съ начальникомъ губерніи, Г. Г. Григорьевымъ, возвращавшимся изъ Лодейнаго-Поля, и былъ совершенно здоровъ. Разставшись съ губернаторомъ на Вознесенской пристани, Александръ Федоровичъ, увлекаемый интересами

науки, захотѣлъ пробить нѣкоторое время между толпой простого народа, прислушаться къ его говору, услышать старинную пѣсню и т. п., а потому отправился до Вытегры на трешкотѣ. Нельзя утверждать положительно, но очень вѣроятно, что здѣсь-то онъ и заразился смертельной болѣзью. На трешкотѣ всегда толпа чернаго, рабочаго народа, въ которой часто бываютъ подубольные или заболѣвающие тифомъ; доѣхавъ до Вытегры, они обыкновенно поступаютъ въ больницу; да и вообще скучиваніе большой массы рабочихъ людей въ одномъ мѣстѣ, подъ палящими лучами солнца, не можетъ не повліять вредно на свѣжаго съ слабымъ организмомъ человѣка, попавшаго въ эту массу. Какъ только покойный сошелъ въ Вытегрѣ съ трешкота, тотчасъ почувствовалъ упадокъ силъ, потерю аппетита и общее разстройство здоровья, но, къ несчастію, такъ мало придавалъ всему этому значенія, что вовсе не обратился къ доктору за совѣтомъ; а докторъ, конечно, сдѣлалъ бы правильную діагностику и выяснилось бы тогда, что у него развивается страшная болѣзнь — брюшной тифъ. Немедленное возвращеніе въ столицу на пароходѣ, привычная обстановка, попеченія родныхъ и искусство врачей — болѣе чѣмъ вѣроятно спасли бы жизнь нашего ученаго; но судьба опредѣлила иначе. По какому-то необъяснимому ослѣпленію, а очень можетъ быть, вслѣдствіе утраты сознанія, почти въ бреду, покойный считалъ себя совершенно здоровымъ, за исключеніемъ потери аппетита, а потому выѣхалъ изъ Вытегры и проѣхалъ еще 200 верстъ по гористой дорогѣ. По приѣздѣ въ Каргополь, 15-го іюня, вечеромъ, симптомы болѣзни выразились съ такой силой и въ такихъ формахъ, что продолжать поѣздки было невозможно, и врачебная помощь оказывалась необходимымъ. Нашъ городской врачъ, докторъ медицины Володько, призванный къ больному, съ ужасомъ увидѣлъ, что нитѣтъ дѣла съ быстро развивающимся брюшнымъ тифомъ, а отъ прислуги узналъ, что болѣзнь, имѣвшая въ высшей степени острый характеръ, продолжается уже нѣсколько дней. Самъ же больной увѣрялъ, что онъ совершенно здоровъ и просилъ только объ одномъ: возвратитъ ему аппетитъ. Докторъ съ перваго раза увидѣлъ, что болѣзнь развита въ такой степени, при которой благополучный исходъ весьма сомнителенъ, за всѣмъ тѣмъ взялся за леченіе съ неутомимой энергіей и посѣщалъ своего пациента 10—15 разъ въ сутки. Между тѣмъ, по прибытіи покойнаго въ Каргополь, на другой день послана была телеграмма къ супругѣ его въ Петербургъ, извѣщавшая объ опасной болѣзни ея мужа. Черезъ четыре часа отвѣтъ: «Принять всевозможныя мѣры къ спасенію страждущаго, не жалѣя никакихъ издержекъ». 18-го іюня, когда была потеряна всякая надежда, докторъ, чтобы не поразить внезапнымъ ударомъ родственниковъ своего пациента, уклонился отвѣтомъ на полученную телеграмму отъ г-жи Гильфердингъ, просившей сообщить о положеніи мужа, и телеграфировалъ на имя г. Б. Р., своего человѣка въ семействѣ Гильфердингъ, — что надежда на выздоровленіе немнѣлима, а потому просилъ приготовить супругу и родныхъ къ роковому извѣстію. Наконецъ, 20-го іюня, во вторникъ, около полудня, послѣ сильной рвоты, послѣдовала смерть — и въ тотъ же день получена телеграмма изъ Петербурга, извѣщавшая, что г-жа Гильфердингъ собирается выѣхать въ Каргополь и привезти съ собой доктора. Г. Володько отвѣчаетъ черезъ того же г. Б. Р., что все кончено, и послѣ этого телеграфъ передаетъ уже только распоряженія относительно похоронъ, отправки тѣла въ Петербургъ и проч..

II. Помяни Гильфердинга въ Карисбадѣ.

Вѣсть о смерти А. О. Гильфердинга была принята русскимъ обществомъ съ глубокимъ собогѣзнованіемъ; оно поспѣшило выразить уваженіе къ памяти достойнаго дѣятеля. Во многихъ періодическихъ нашихъ изданіяхъ появились, проникнутые глубокимъ чувствомъ, некрологи (особенно замѣчательна статья о покойномъ, одного изъ его близкихъ друзей, профессора К. Н. Бестужева-Рюмина въ газетѣ «Голосъ») ¹⁾. Въ Петербургѣ—Славянскимъ комитетомъ, русскимъ кружкомъ въ одномъ изъ городовъ Прибалтійской окраины, и въ Каргополѣ отслужены панихиды по покойномъ....

За роднымъ рубежемъ, въ Карисбадѣ, протоіерей от. Кустодіевъ, послѣ литургіи, отслуженной 24-го іюня въ русской церкви, взволнованнымъ голосомъ объявилъ присутствовавшимъ вѣсть о смерти А. О. Гильфердинга; при этомъ почтенный священникъ сказалъ, какъ извѣстилъ корреспондентъ газету «Голосъ», приблизительно слѣдующее: «Нынѣ дошло сюда горестное извѣстіе о смерти извѣстнаго нашего литературнаго, общественнаго и даже церковнаго дѣятеля Александра Ѳеодоровича Гильфердинга. Извѣстіе это до того меня поразило, что я чувствую потребность сообщить его вамъ, и сообщить именно здѣсь, въ храмѣ. Конечно, немногіе изъ васъ не знаютъ имени покойнаго; вижу среди васъ и людей, знавшихъ его лично, какъ и я зналъ его. Александръ Ѳеодоровичъ умираетъ еще молодымъ, когда, по нашимъ человѣческимъ расчетамъ, нужно бы было еще надѣяться на долгую его жизнь, и умираетъ, судя по короткому извѣстію о его смерти въ Каргополѣ, жертвой своихъ ученыхъ трудовъ на нашемъ дальнемъ сѣверѣ, куда онъ благополучно отправлялся и въ прошломъ году для своихъ ученыхъ изысканій. Мысль его многоплодно простиралась и на сѣверъ, но она болѣе утверждалась на югѣ въ той великой задачѣ, къ рѣшенію которой онъ стремился съ свойственною ему настойчивостью и благоразуміемъ. Вотъ что сердечно жаль: молодымъ онъ оставилъ эту жизнь! Чтѣ-то есть странное и страшное въ томъ, замѣченномъ уже явленіи, что у васъ добрые и энергическіе дѣятели, почти на всѣхъ поприщахъ дѣятельности, умираютъ преждевременно. Впрочемъ, беру назадъ слово преждевременно по отношенію къ усопшему нашему собрату: не въ храмѣ, не передъ Богомъ произносить это слово. Господь дѣлаетъ все въ свое время, а жизнь наша въ рукахъ Господа. Мы потеряли въ усопшемъ, чтѣ особенно нужно замѣтить и чего особенно недостаетъ въ нашей общественной и церковной дѣятельности, дѣятеля съ энергіей и послѣдовательностью въ тѣхъ задачахъ, которыя онъ преслѣдовалъ. Будемъ помнить это, примемъ къ сердцу эту потерю. Помолимся объ усопшемъ, да Господь Богъ изъ его смерти, какъ изъ сѣмени, воздвигнетъ тысячи подобныхъ дѣятелей».

Послѣ этого, протоіерей Кустодіевъ отслужилъ панихиду по усопшемъ, за которую оставались всѣ присутствовавшіе въ храмѣ за обѣдней.

III. Погребеніе Гильфердинга въ Петербургѣ.

4-го іюля, рано утромъ, тѣло А. О. Гильфердинга привезено въ Петербургъ изъ Каргополя въ свинцовомъ гробѣ; его тогда же встрѣтила большая толпа

¹⁾ Кромѣ статьи г. Бестужева-Рюмина въ «Голосѣ» (№ 53, 23-го іюня), уважемъ статьи о Гильфердингѣ: въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1872 года, №№ 168 и 195; въ «Бирж. Вѣд.» статья П. А. Гильтебрандта (іюнь 1872 г.) и въ «Вѣстникѣ Европѣ» 1872 г., кн. 8 статья г. А. П.

знакомыхъ и почитателей покойнаго. На пароходѣ «Царь», на которомъ привезено тѣло, совершена была литія архимандритомъ въ сослуженіи нѣсколькихъ іереевъ. Родственники, друзья и близкіе покойнаго Александра Ѳеодоровича вынесли къ пристани на рукахъ тяжелый гробъ и поставили на приготовленную колысницу. Печальная процессія потянулась черезъ весь городъ къ Ново-дѣвичьему монастырю, гдѣ послѣ заупокойной обѣдни было предано землѣ тѣло ученаго труженика.... Вотъ слово, сказанное при совершеніи печальнаго обряда ректоромъ санктпетербургской духовной семинаріи, архимандритомъ Хрисанфомъ. Оно настолько замѣчательно, что не должно затеряться въ газетныхъ листахъ. Перепечатаваемъ его съ позволенія о. Хрисанфа и съ его поправками:

«Не часто и не во множествѣ являються среди насъ лица, подобныя умершему, съ которымъ такъ неожиданно расстаемся мы нынѣ на вѣки... Его смерть есть потеря не для близкихъ только его сердцу, не для друзей его только. Это потеря общественная. Говоря это, мы, конечно, высказываемъ лишь общую мысль, общее чувство всѣхъ окружающихъ въ настоящую минуту его гробъ. Да, имя умершаго, какъ общественнаго дѣятеля, извѣстно всей мыслящей Россіи, оно не безызвѣстно и за ея предѣлами, во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ слышится наша родная, славянская рѣчь—отъ сѣвера до горъ Карпата и до нашего стариннаго «синяго моря»...

«Это былъ служитель науки, знаній. Всякое знаніе есть нравственная сила, движущая человѣка по пути къ совершенству. Таково оно и предъ христіанскимъ Богомъ, который есть Богъ «разумовъ». Но наука, которой служилъ почившій, имѣетъ для насъ особенное нравственно-жизненное значеніе. Она касается самаго близкаго къ намъ вопроса—вопроса о насъ самихъ, о нашей родной странѣ съ ея заветными вѣрованіями и преданіями, о нашемъ народѣ и его сродствѣ съ другими единоплеменными народами, о нашемъ внутреннемъ духовномъ складѣ, о нашемъ народномъ характерѣ. Изучить народный языкъ, органы нашей духовной жизни, уяснить народныя преданія и вѣрованія, оставшіяся отъ былыхъ временъ, уловить складъ народной мысли и чувства, войти въ самый духъ народной жизни, показать живую связь его бытовой жизни съ другими однородными племенами—вотъ задачи его научной дѣятельности.

«Нужно ли говорить о важности этой задачи, о томъ, что съ этимъ вопросомъ о нашемъ народномъ самосознаніи связанъ вопросъ о нашемъ будущемъ, что развитіе національнаго чувства и сознанія обуславливаетъ собою самый ростъ народной жизни? Первый признакъ нравственнаго развитія народа, какъ и отдѣльнаго человѣка—это чувство самосознанія, самоуваженія. Гдѣ нѣтъ этого самосознанія, тамъ нѣтъ и разумнаго стремленія къ лучшему, совершеннѣйшему. Тамъ младенчество, дѣтство народной мысли. Гдѣ нѣтъ любви къ своему родному, ближайшему, тамъ нѣтъ любви ни къ кому, ни къ чему—тамъ апатія, нравственное усыпленіе. Напрасно мнимые граждане цѣлаго міра—космополиты, хотятъ прикрыть свое бездушное чувство именемъ любви къ цѣлому человѣчеству. Человѣчество мы узнаемъ прежде всего въ лицѣ народа, которому принадлежимъ. Его только и можно любить живой любовью. Иначе нѣтъ для насъ предмета живой привязанности. Иначе это человѣчество существуетъ для насъ только въ понятіи, въ идеѣ.... Нѣтъ, народъ, незнающій себя, непривязанный къ своей родной землѣ, бесплодная вѣтвь на деревѣ человѣчества, ничего не внесетъ онъ изъ себя и въ общее достояніе народовъ міра.... Впрочемъ, не въ виду этого гроба одного изъ ревностныхъ подвижниковъ народной идеи раскрывать эту несомнѣнную истину.

«Но этотъ, такъ важный для нашей общественной жизни, вопросъ былъ особенно важенъ въ наше время, и именно потому, что до послѣдняго времени мы не знали и не хотѣли знать себя. Это былъ одинъ изъ самыхъ живыхъ, современныхъ вопросовъ, потому что только теперь мы начинаемъ приходить къ сознанію необходимости самостоятельной жизни среди другихъ народовъ, только нынѣ начинаетъ развиваться въ насъ чувство народнаго самоуваженія, только недавно вспомнили мы и о нашихъ единокровныхъ братьяхъ, нѣкогда близкихъ къ намъ, а теперь удаленныхъ отъ насъ и пространствомъ, и своими историческими судьбами. Въ продолженіе дѣлаго столѣтія мыслью и чувствомъ мы тяготѣли къ жизни другихъ народовъ, забывая о своей родной странѣ, мы знали ее менѣе, чѣмъ страны отъ насъ далеки, мы отчуждались и отъ вѣрмъ нашихъ отцовъ и отъ народнаго быта. Отъ насъ исходили ревнители и ревнительницы чуждыхъ намъ религій, поборники чуждыхъ намъ интересовъ.

«Хвала тебѣ, почившій поборникъ національныхъ стремленій, за то, что своимъ словомъ будилъ нашу народную мысль; хвала и всѣмъ еще прежде него почившимъ братьямъ, среди которыхъ воспитался умершій и которые были первыми, еще мало признанными проповѣдниками народной идеи.

«Но почившій собратъ нашъ служилъ своему дѣлу и призванію не однимъ научнымъ трудомъ. Много значить его литературная дѣятельность, но далеко не все. Онъ любилъ свое призваніе, говоря словами писанія: «Не словомъ, ниже языкомъ, но дѣломъ и истиною». Это была одна изъ тѣхъ живыхъ, энергическихъ натуръ, которыя стремятся воплотить слово въ дѣло и фактъ, для которыхъ мало было отозваться на современную потребность однимъ словомъ сочувствія.

«Это былъ дѣятель въ полномъ и широкомъ смыслѣ слова.... Не напрасно и не по имени только здѣсь, у насъ, онъ былъ центромъ всѣхъ живыхъ, дѣятельныхъ стремленій нашихъ во имя славянства. Всѣ мы знаемъ это, знаютъ объ этомъ и тамъ — среди самыхъ славянскихъ племенъ. Въ самой государственной службѣ онъ является, какъ ревностный помощникъ одного, также недавно умершаго поборника русскаго дѣла, русскихъ интересовъ въ борьбѣ съ одноплеменнымъ, но непріязненнымъ намъ народомъ. Словомъ, вся жизнь его была однимъ нераздѣльнымъ, дѣльнымъ служеніемъ одному дѣлу — одной національной идее.

«Но не то же ли говоритъ о немъ и самая смерть его, такъ поразившая насъ своею неожиданностью? Предъ нами, братья, жертва любви къ наукѣ и своему призванію, жертва ревности къ своему дѣлу. Смерть застигла его въ глухомъ краю, куда стремился онъ единственно за тѣмъ, чтобы собрать дорогія для него преданія народной жизни изъ устъ народа, среди котораго еще уцѣлѣли слѣды первобытныхъ временъ, нѣкогда скоро и здѣсь исчезнуть.... Конецъ, достойный жизни!

«Правда, жертва эта не искупаетъ нашей потери.... Еще много и много общала эта жизнь, прерванная такъ внезапно и среди полного развитія своихъ силъ.... Фактъ, повидимому, совершенно подавляющій мысль.... Съ нимъ никакъ не мирится наше чувство.

«Да! смерть разумныхъ существъ вообще есть печальная тайна, «тайнство» какъ называетъ ее церковь.... Въ эту тайну съ трудомъ проникаетъ наша мысль. Что значитъ эта смѣна разумной жизни этимъ видимымъ ничтожествомъ? зачѣмъ жизнь носить въ себѣ зародышъ смерти и откуда въ ней эта

другая, враждебная ей сила смерти? Что дѣлается при этомъ съ разумнымъ достоинствомъ нашего духа, ужели оно гибнетъ?... На эти вопросы не отвѣчаетъ наша мысль, или отвѣчаетъ колеблясь, съ недоумѣніемъ....

«Но мы адѣсь, въ храмѣ живаго Бога, который не сотворилъ смерти и самъ не знаетъ измѣненій. Мы вѣруемъ въ глаголы вѣчной жизни, исходящія изъ Того, кто Самъ есть воскресеніе и жизни; мы знаемъ, что сила духа и мысли—самая царственная и господственная изъ всѣхъ міровыхъ силъ, та сила, что покоряетъ себѣ всѣ силы природы, сама не можетъ умереть, смиряться съ этими другими силами, исчезнуть въ общей жизни природы, что она не «разліется, яко мягкій воздухъ».... Мы знаемъ также, что не умираетъ и достоиніе разумной жизни въ исторіи. Надъ нами есть высшая сила, сила Провидѣнія, которая движетъ и направляетъ судьбы человѣчества. Не случайны созданія нашей разумной жизни и не затѣмъ являются онѣ, чтобъ когда-либо случайно погубила ихъ слѣпая сила природы, чтобъ онѣ бесслѣдно исчезли отъ какой-нибудь физической катастрофы, какъ думаетъ объ этомъ та мудрость, что не признаетъ ничего, кромѣ бездушныхъ силъ матеріи.

«Смерть въ физическомъ смыслѣ есть зародышъ новой жизни. Въ социальномъ и нравственномъ она есть также сѣмя будущаго. Не затѣмъ является живая многоплодная мысль, чтобъ пропасть и затеряться. Не умираютъ, не умрутъ высокія нравственныя начинанія. Они развиваются и осуществляются дѣятелями, оставшимися въ живыхъ, и грядущими поколѣніями. Таковъ законъ исторіи, указанный Провидѣніемъ. Не умереть, не должна умереть среди насъ и дѣятельность почившаго, посвященная высокой нравственной цѣли.

«Итакъ, намъ, живымъ, и нашимъ грядущимъ родамъ предстоитъ развить, докончить начатое имъ и его предшественниками. Да не осуждаетъ же въ насъ вѣра въ правоту общаго—ихъ и нашего—дѣла. Вѣрою жили они, только вѣрою и умирали, не пріемше обѣтованій. Слово ихъ было только словомъ, и не возбуждало сочувствія. Но вѣра оправдала ихъ. Воспринявшій отъ нихъ эту вѣру нынѣ почившій дѣтель видѣлъ уже лучшіе дни для своей дѣятельности.... Будемъ надѣяться, что мы увидимъ дни еще лучшіе.

«Вотъ завѣтъ, данный намъ смертью одного изъ ревностныхъ поборниковъ нашихъ народныхъ стремленій. Предъ его гробомъ дадимъ обѣтъ навсегда быть вѣрными нашему общему родному дѣлу, нашей отечественной странѣ.....

«А ему воздадимъ благодарность за его ревность, за его труды на общую пользу. Теперь, когда онъ уже не существуетъ для нашего міра, и здѣсь, предъ лицомъ Бога, съ нашей стороны самымъ лучшимъ выраженіемъ благодарности къ нему можетъ быть только теплая молитва къ Вѣчному Источнику жизни объ успокоеніи души его.

«Помолимся же, да Господь «учинитъ душу его идѣже вси праведніи упокоются».

— — — — —

Воспоминаніе крестьянина объ А. Ө. Гильфердингѣ.

Помѣщая воспоминаніе объ А. Ө. Гильфердингѣ, принадлежащее перу крестьянина, считаемъ нужнымъ замѣтить, что нами поправлены только знаки препинанія, кое-гдѣ * и указаны для набора красныя строки; особенности же Олоонецкаго произношенія отмѣчены разрядкой. Для характеристики писавшаго, приводимъ маленькое извѣстіе, имъ же составленное. Вотъ оно:

«Господи благослови! Олоонецкой губерніи, Петрозаводскаго уѣзда, Кижской волости, Яндомо-Космозерскаго мірскаго общества, деревни Космозерскаго Погоста, крестьянинъ Иванъ Анникіевъ Касьяновъ, родился въ 1825 году, декабря 4-го дня. Отецъ мой, Анника Устиновъ, мастерство имѣлъ плотника и землепашца, который скончался въ 1864 году, 83-хъ лѣтъ; матушка моя Мавра Назарова, скончалась въ 1865 году, 80-ти лѣтъ. До 1860 года были въ расколѣ по Даниловской сектѣ. Я, Касьяновъ, воспитанъ въ деревнѣ и обучался въ грамоты у крестьянина Егора Иванова Холонова; занимался землепашествомъ и частью рыбною ловлею и разными извозами. Жена у меня и имѣю дѣтей. Всѣ мы исповѣданія единовѣрскаго. Обратился въ единовѣріе изъ раскола въ 1860 году съ отцомъ, матерью, замужнею сестрою и съ тѣтенькой Агафьей. Былъ избранъ волостнымъ судьей въ 1865 году, а по избраніи на второе трехлѣтіе, поданъ мною письменный отзывъ объ увольненіи отъ службъ. Въ 1871 году, августа 7-го дня, пріѣзжали ко мнѣ миссіонеръ Палеостровскаго монастыря іеромонахъ отецъ Исихій, который основалъ единовѣріе, и священникъ отецъ Іоаннъ Богословскій и прихожане разныхъ деревень, которые объявили указъ Олоонецкой духовной консисторіи о избраніи изъ среды себя сборщика, и, по предложенію всѣхъ прихожанъ, на что согласился я, Касьяновъ, для окончательнаго устройства и украшенія бѣдной единовѣрскаго церкви въ честь Вознесенія Господня, о которой было отпечатано въ «Петербургской Газетѣ», ноября 14-го числа».

Въ заключеніе замѣтимъ, что печатаніе сборника Былинъ покойнаго Александра Өеодоровича, которое предполагалось передать профессору О. Ө. Миллеру («Русск. Ст.» 1872 г., т. VI, стр. 464), по желанію г. Миллера и вдовы покойнаго вновь поступило подъ наблюденіе знатока этнографіи и археологіи П. А. Гильдебрандта.

Ред.

Александръ Өеодоровичъ Гильфердингъ пріѣхалъ въ Олоонецкую губернію, въ городъ Повѣнецъ, съ крестьяниномъ Кижской волости, Васильемъ Яковлевичемъ Мореходовымъ¹⁾, гдѣ случился тогда быть крестьянинъ той же волости, деревни Космозерскаго Погоста, Степанъ Парамоновъ Куницинъ, который съ Мореходовымъ очень знакомъ. И узнавъ, что господинъ Гильфердингъ собираетъ былины и разсчитывается щедро, тогда крестьянинъ Куницинъ говоритъ Мореходову:

„И у насъ человѣкъ есть, крестьянинъ Иванъ Анникіевъ Касьяновъ, знаетъ былины, а только онъ сюда не пойдетъ, потому что очень далеко“.

¹⁾ Лодочникъ, возившій по озеру Онегу: онъ, рулевой и 6-ть гребцовъ. Е.

А Мореходовъ говоритъ:

„Я довольно знаю Ивана Аникіева, и онъ меня послушаетъ — придти въ Чолмужу, на 18-е число іюля 1871 года“.

И написалъ отъ имени своего записку, что господинъ Гильфердингъ очень добрый и разсчитывается щедро. По приѣздѣ Куницына въ Космозерскую волость, подаетъ записку мнѣ, Касьянову, что просить господинъ прибыть за 45-ть верстъ въ деревню Чолмужу на 18-е число.

Но хотя время и рабочее и не свободное, но понудило желаніе видѣть такое важное лицо въ самыхъ глухихъ и непроходимыхъ мѣстахъ. Это болѣе привело во удивленіе и въ большой смѣхъ, что господа собираютъ былинны: говоримъ между собою, что „господамъ должно быть въ Петербургѣ болѣе дѣлать нечего“.

Но какъ прошенный запиской, отправился въ путь, отойдя въ Толвуйскую волость, верстъ за 30-ть, гдѣ было нужно нанять лодку и перевозчика на 15-ть верстъ черезъ озеро Онега. По прибытіи моемъ въ деревню Чолмужу, гдѣ тоже былъ приѣхавши крестьянинъ Мореходовъ, а господина Александра Ѳедоровича Гильфердинга не было, потому что онъ изъ города Повѣнца ѣхалъ сухимъ путемъ черезъ монастырь Даниловъ, — подъ вечеръ, около 8-ми часовъ, черезъ Губу увидали огонь, и поѣхали туда на лодкахъ и встрѣтили его. На другой день, то-есть 19-го числа въ понедѣльникъ по утру явился и размышляю такъ: что наши уѣздные господа становые пристава и разныя служащія лица весьма гордые, и думалъ, какъ явлюсь я къ генералу, беретъ страхъ и ужасъ. Затѣмъ, перекрестивъ глаза, и говорю:

„А что Господи дасть! если чего и не знаю, да съ мужика, такъ, думается, и не взыщеть“.

И во-первыхъ увидѣлъ служителя при немъ, Ефима Ивановича, который собою очень привѣтливый и скромный, и проситъ меня чаю пить. Но желая я прежде познакомиться со слугою, пью и думаю: „должно быть хорошаго господина слуга: онъ всѣхъ учтиво принимаетъ“. Потомъ камеринеръ предложилъ господину, что Иванъ Аникіевъ пришелъ. Тогда Александръ Ѳедоровичъ принялъ меня очень ласково. Но я, видя такое важное лицо, стоялъ передъ нимъ съ дрожащимъ сердцемъ. И онъ, господинъ, видитъ во мнѣ переимену и говоритъ Ефиму Ивановичу: „налей рюмочку хорошей водки“! Но отъ которой я отозвался, потому что никогда не пивалъ. Потомъ говоритъ генералъ: „А пьете ли чай?“ Я говорю: „Чай я пью“. Тогда господинъ сказалъ: „Ефимъ, подай намъ чаю“. Когда выпилъ я, Касьяновъ, ставанъ чаю, то посвѣжился духомъ, какъ-будто стало

и посмѣлѣе. Тогда началъ я пѣть былину о Добрынь Никитичѣ, а генералъ началъ самъ писать, такъ очень скоро и успѣшно, что едва успѣваю я голосомъ пропѣвать. Потомъ о Дюкѣ Степановичѣ другую былину. Потомъ господинъ приказалъ меня хозяевамъ кормить и чаемъ пить. Потомъ пропѣлъ объ Алексѣѣ Михайловичѣ Московскомъ, объ отданіи города Смоленца.

На другой день мнѣ было очень весело, потому что познакомился съ господиномъ, и видя, что онъ человѣкъ очень скромный, смирный и ласковый, и размышляю про себя: „Должно быть господа, что чинъ выше, то и добрѣе, не какъ наши уѣздные господа; придешь, за какимъ-либо случится дѣломъ, то онъ наскочетъ, какъ звѣрь на рогатину, не взирая ни на какія твои справедливости“.

Потомъ я пропѣлъ о Михаилѣ Пѣтыкѣ сынѣ Ивановичѣ, пятую я пропѣлъ о Настасѣѣ королевичнѣ, шестую я пропѣлъ о пахарѣ Никулѣ Силенниковичѣ, седьмую я пропѣлъ о взятіи Казани Грознымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ.

А подѣ вечеръ пригласилъ онъ меня съ нимъ вмѣстѣ прогуливаться. Тогда стала у хозяевъ домой скотина приходить. Но какъ оwoтъ пасется безъ пастуха, то когда она пришла къ рѣкѣ Чолмужѣ, то сама пошла въ воду, не взирая ни на какую быстрину, плыветъ сама безъ погонщика, стадомъ. То мы смотрѣли съ большимъ удивленіемъ. И говорилъ Александръ Ѳедоровичъ: „Ну я этого не премину рассказать господамъ по прїѣздѣ въ Петербургъ“.

Еще тутъ же прїѣхалъ въ Чолмузу Толвуйской волости, деревни Загубѣ, крестьянинъ Иванъ Кузьминъ, съ былинами другой разъ. То Александръ Ѳедоровичъ спросилъ:

— „А ты, старичокъ, чего прїѣхалъ?“

А старикъ говорить:

— „Батюшка, я былину вспомнилъ“.

— „Ну, спой же, старичокъ“.

Тогда началъ онъ пѣть о Чурилушкѣ Пленковичѣ. Тогда Александръ Ѳедоровичъ далъ ему 3 руб. за одну былину. А у меня еще ничего не получено и думаю: „что мнѣ Богъ дастъ“. Болѣе въ Чолмужѣ никого не сыскался.

А тутъ бояре приходили свою грамоту показывать (которая дана, за сбереженіе царицы Марѣи Іоанновны, Михаиломъ Ѳедоровичемъ попу Ермолаю) на квартирѣ, гдѣ квартировалъ Александръ Ѳедоровичъ, у крестьянина Петра Иванова Сурина. И рассказывали генералу, что значить ядина лѣсу и сколько занимаетъ мѣста.

— „Это, говорятъ бояре, надоть растолковать!“

Тогда господинъ говорить:

— „Это намъ ваша грамота была известная, а вы ѿ храните у себя, какъ зѣницу ока. Прощайте!“

На третій уже день, то-есть 20-го числа іюня, освободились отъ всѣхъ занятій. А вѣтеръ былъ очень сильный, что было нельзя по Онегу ѣхать ни господину, ни мнѣ. То мы всѣ провожали время вмѣстѣ, а Ефимъ Ивановичъ настрѣлялъ утокъ. Тогда Александръ Федоровичъ говорить камеринеру:

— „Ефимъ, подай сюда Ивану Аникіевичу чаю со мною вмѣстѣ, пушай пить!“

А я ему говорю:

— „Позвольте мнѣ къ самовару поближе, тамъ мнѣ повыгоднѣе будетъ: здѣсь стаканъ—два, а три—и то много, а тамъ и пятокъ—такъ ничего“.

Онъ разсмѣялся, говорить:

— „Ну, впрочемъ, гдѣ вамъ угодно“, и далъ мнѣ денегъ 13 рублей. Тогда я очень обрадовался такой неожиданной наживѣ. Иду на квартиру, погляжу и думаю: „Слава Богу! Господь послалъ какого благотворителя!“

Но какъ уже къ вечеру вѣтеръ подтихъ, то оны стали собираться въ путь, готовиться къ поѣзду на Пудожскую гору, Пудожскаго уѣзда. Тогда я пособилъ носиться въ лодку и проводить глазами, покуда было можно видѣть.

Послѣ этого по осени пріѣхалъ я въ Петербургъ по сбору на церковь, и у меня пришло большое желаніе увидѣть своего благотворителя. И думаю я, что такой ли будетъ здѣсь весьма добрый, какъ былъ въ нашихъ мѣстахъ, или не припустить и на глаза. Но однако, что Богъ ни дастъ, а попробую сходить. Показалъ городской квартиру, и я постучалъ въ колокольчикъ. Вдругъ выбѣгаетъ знакомый слуга Ефимъ Ивановичъ. И я ему рассказалъ. Тогда онъ взялъ меня къ себѣ, потомъ предложилъ обо мнѣ Александру Федоровичу. Тогда господинъ приказалъ мнѣ зайти къ себѣ въ покои, гдѣ сидѣла у него законная супруга Варвара Францовна, и такъ ласково и милостиво посадилъ подлѣ себя. А генеральша наливала сама намъ чай и съ закускою. Но и опять я удивился, что генеральша сама наливаетъ чай простому мужику. Сажу и про себя думаю: „это должно быть вторая Сарра; имѣла 300 рабынь, а сама мѣсила тѣсто и кормила рабочихъ¹⁾“. Но тутъ же мнѣ сказалъ Александръ Федоровичъ:

¹⁾ Надо замѣтить, что крестьянинъ Касьяновъ, какъ бывший старовѣръ,—человѣкъ весьма грамотный и большой начѣтчикъ въ церковныхъ книгахъ.

„я предложу Географическому Обществу, можетъ ли васъ попросить въ собраніе“. Но когда я былъ потребованъ, то, по приходѣ моемъ, вышелъ Александръ Федоровичъ, взялъ меня подъ руку и посадилъ на стулъ, гдѣ сидѣло большое собраніе господъ. Тогда я подумалъ: „гдѣ Господь привелъ быть и сидѣть между учеными людьми, просвѣтителями и разъяснителями народу, и всѣ учтиво принимаютъ“. И тутъ я прочелъ три былинныя о нахарѣ Никулѣ Силенниковѣ и объ Алексѣѣ Михайловичѣ, о Грозномъ царѣ Иванѣ Васильевичѣ, о взятіи Казани, а болѣе—время было павдо. И послѣ этого былъ награжденъ деньгами, и всѣ очень ласково приняли. А сердце мое наиболѣе возрадовалось потому, что нашелъ въ ученыхъ людяхъ кротость и смиреніе, по писанному: „блаженни кротціи, яко тѣи наследятъ землю“.

Крестьянинъ Касьяновъ.

Генеалогическое разъясненіе.

Редакція „Русской Старины“ получила отъ А. Л. Потапова слѣдующее письмо:

„По поводу напечатаннаго въ девятомъ номерѣ уважаемаго изданія вашего „Русской Старины“ сообщеннаго мною вамъ письма св. Димитрія Ростовскаго къ пращѣдъ моему, по матери, Михаилу Григорьевичу Грохольскому, въ 10 № „Русскаго Архива“ появилась замѣтка, подъ названіемъ „Генеалогическое недоумѣніе“. Въ этой замѣткѣ говорится, что родительница моя, сколько извѣстно по родословной книгѣ (т. I, стр. 157) была родомъ княжна Шаховская (Татьяна Васильевна) и только въ первомъ бракѣ находилась за г. Грохольскимъ.

Считаю нужнымъ разъяснить, что упоминаемая въ этой замѣткѣ княжна Татьяна Васильевна Шаховская была моя родная бабка, т. е. родная мать родительницы.

Она была въ замужествѣ только одинъ разъ за Петромъ Михайловичемъ Грохольскимъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, бывшимъ съ 27 января 1799 года волынскимъ вице-губернаторомъ. Въ имѣющейся въ моемъ семейномъ архивѣ копій съ послужнаго списка П. М. Грохольскаго пояснено, что онъ женатъ на княжнѣ Татьянѣ Шаховской и имѣетъ, между прочимъ, дочь Александру въ замужествѣ за генералъ-маіоромъ Львомъ Потаповымъ. Точно также и въ русской родословной книгѣ (ч. I, стр. 175, № 264) показано: княжна Татьяна Васильевна Шаховская за Петромъ Грохольскимъ. Этотъ П. М. Грохольскій былъ сынъ Михаила Григорьевича, къ которому